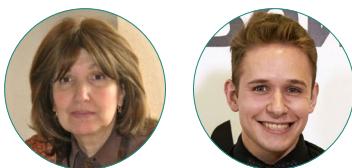

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1607

О. А. Александрова, Д. И. Марков

ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ИЛИ НИЩИЕ: ЧТО ДУМАЮТ МОЛОДЫЕ РОССИЯНЕ О БУДУЩЕЙ СТАРОСТИ И КАК НАМЕРЕНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ?

Правильная ссылка на статью:

Александрова О. А., Марков Д. И. Обеспеченные или нищие: что думают молодые россияне о будущей старости и как намерены действовать? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 42—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607>.

For citation:

Alexandrova O. A., Markov D. I. (2020) Wealthy or Poor: What Does Russia's Young People Think about Future Old Age, and What Do They Intend to Do? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 42—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607>.

ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ИЛИ НИЩИЕ: ЧТО ДУМАЮТ МОЛОДЫЕ РОССИЯНЕ О БУДУЩЕЙ СТАРОСТИ И КАК НАМЕРЕНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ?

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Аркадьевна — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

E-MAIL: a762rab@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>

МАРКОВ Дмитрий Игоревич — заместитель заведующего учебно-научной социологической лабораторией Департамента социологии, выпускник бакалавриата факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: DIMarkov@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9380-0506>

Аннотация. Российское государство, акцентируя внимание на потребности экономики в «длинных деньгах», а также на необходимости повышения уровня жизни пенсионеров, предпринимает попытки вовлечения населения в систему индивидуальных пенсионных накоплений. В частности, в 2019 г. был представлен гарантированный пенсионный план (ГПП). Одним из ключевых адресатов накопительных инструментов является молодежь. Проведенное исследование позволило выяснить, что молодежь думает о будущей старости и ее материальном обеспечении, а также как она относится к ГПП:

WEALTHY OR POOR: WHAT DOES RUSSIA'S YOUNG PEOPLE THINK ABOUT FUTURE OLD AGE, AND WHAT DO THEY INTEND TO DO?

Olga A. ALEXANDROVA^{1,2} — Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director; Professor at Department of Sociology

E-MAIL: a762rab@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>

Dmitry I. MARKOV² — Deputy manager of the educational and scientific sociological laboratory of the Department of sociology, bachelor's degree graduate of the faculty of social Sciences and mass communications

E-MAIL: DIMarkov@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9380-0506>

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS of RAS, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The Russian state highlighting the importance of the economy's demand for long-run money and a need to increase the quality of life for the retired persons seeks to engage populations in individual pension savings plan. In particular, a Guaranteed Pension Plan (GPP) was introduced in 2019. Youth is one of the beneficiaries of the pension accumulation tools. The study undertaken by the authors examines what young people think about their future old age, how they perceive the GPP, whether they are ready to participate in it, and what benefits it may bring to the beneficiaries. The research methods included a

готова ли участвовать, как оценивает предпочтения для участников. Методы исследования: анкетный опрос жителей Москвы в возрасте до 30 лет ($N=500$) и фокус-групповые интервью со столичной молодежью ($N=4$).

Большинство участников опроса не готовы участвовать в ГПП, и чем старше респонденты, тем меньше среди них доля готовых включиться в эту схему. В основе этих установок лежит недостаточный размер доходов и в еще большей степени — недоверие к негосударственным пенсионным фондам. Мало рассчитывая на какую-либо пенсию, молодежь планирует обеспечивать свою старость прежде всего за счет сбережений, рентных доходов, доходов от бизнеса и продолжения работы после наступления пенсионного возраста. Несмотря на сомнения в стабильности занятости до наступления старости, в возможности накопить и сохранить сбережения, найти работу в пожилом возрасте, молодежь настроена оптимистично: собственная старость молодым людям представляется гораздо более благополучной, чем жизнь нынешних пенсионеров. Так, фактическое положение сегодняшних пожилых людей абсолютно не согласуется с представлениями молодежи о достойной старости и расценивается ею как несправедливое и недооценивающее их трудовой вклад.

Ключевые слова: молодежь, старость, пенсия, занятость, сбережения, индивидуальные пенсионные накопления, гарантированный пенсионный план

questionnaire survey among the Moscow residents aged 30 and below ($N=500$) and focus group interviews with young people from Moscow ($N=4$).

Most of respondents are not willing to participate in the GPP; the older they are, the less likely they are ready to join the scheme. The main reasons behind that are insufficient income and, more importantly, lack of trust in non-state pension funds. Young people who do not count much on pension plans are going to live off savings, rental income, income from commercial activities, when they retire, or to keep working after the retirement age. Young people tend to be quite optimistic despite their doubts concerning a stable job until retirement, an opportunity to save up money or their ability to find a job late in life: many of them expect to have a safer old age than that of the today's retired persons. Thus, the situation of today's elderly people is absolutely inconsistent with the youth's ideas about a decent old age; they regard it as unjust or think it belittles the labor contribution.

Keywords: youth, old age, pension, employment, savings, individual pension savings, guaranteed pension plan

Введение

В советские времена население рассчитывало на государственные пенсии, абсолютная величина которых была довольно скромной (хотя, заметим, под конец существования СССР максимальная пенсия инженерно-технического работника составляла 132 рубля — больше зарплаты начинающего инженера¹) [Пудовкин, 2015: 218], однако расходовалась пенсия преимущественно на относительно дешевые продукты² и неширокий выбор непродовольственных товаров, поскольку здравоохранение было бесплатным, лекарства — дешевыми, коммунальные платежи, стоимость проезда на транспорте и посещения учреждений культуры — мизерными. Были и более высокие пенсии, которые получали граждане, чья работа характеризовалась тяжелыми или вредными условиями труда, риском, высоким уровнем ответственности, серьезным вкладом в научно-промышленное и культурное развитие страны и т. п.

В постсоветский период материальные возможности россиян, живущих исключительно на пенсию, резко сократились: даже в самые благополучные времена коэффициент замещения пенсий не достигал рекомендованного Международной организацией труда минимума в 40 %. В то же время — с началом рыночных преобразований — граждане России получили возможность самостоятельно формировать свою пенсию с помощью негосударственных пенсионных фондов (НПФ). Однако широкого распространения такая практика не получила: у основной части домохозяйств денежные поступления полностью уходили на текущее потребление, те же россияне, которые располагали свободными средствами, предпочитали сберегать их, в том числе на материальное обеспечение в старости, в более надежных, по их мнению, формах, нежели НПФ [Инвестиционно-сберегательные..., 2016].

В условиях отсутствия интереса у россиян к добровольному пенсионному страхованию в 2002 г. в систему государственного пенсионного обеспечения был введен обязательный накопительный элемент. Однако абсолютное большинство россиян, причем вне зависимости от уровня их доходов [там же], оказались «молчунами» — передали свои взносы в распоряжение государственного Внешэкономбанка (ВЭБ, ныне — ВЭБ.РФ)³, о чем спустя семь лет после старта этой реформы заявило руководство Минсоцразвития⁴ [Бурденко, Павлюченко, 2016]. В конце 2016 г.

¹ Показатели средней зарплаты в СССР по годам. URL: <https://fb.ru/article/391475/pokazateli-sredney-zarplatyi-v-sssr-po-godam> (дата обращения: 23.06.2020). Законом о государственных пенсиях максимальный размер пенсии по старости для рабочих и служащих устанавливался на уровне 120 рублей. При наличии необходимого непрерывного стажа работы эта сумма увеличивалась на 10 %.

² Согласно данным, которые в своем докладе на конференции «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы» привела первый заместитель председателя бюджетного комитета Государственной думы, доктор экономических наук О. Г. Дмитриева, в 1990 г. на среднюю пенсию по старости можно было в месяц купить либо 728 кг хлеба, либо 51 кг говядины, либо 364 л молока (для сравнения: в 2012 г. на пенсию по старости можно было купить только 184 кг хлеба, 37,4 кг говядины или 274 л молока). См.: Башкатова А. Президентскому электорату напомнили об СССР // Независимая газета. 2014. 1 октября. URL: https://www.ng.ru/economics/2014-10-01/1_income.html (дата обращения: 23.06.2020).

³ При введении обязательного накопительного элемента гражданам предоставлялась возможность выбора организации, управляющей их пенсионными накоплениями. Если это был негосударственный пенсионный фонд, требовалось написать соответствующее заявление в Пенсионный фонд России. Накопления граждан, не сообщивших о своем выборе (отсюда — «молчуны»), поступали в доверительное управление государственного Внешэкономбанка.

⁴ В 2015 г. большинство россиян по-прежнему оставались «молчунами», вследствие чего Минфин предложил дать им еще пять лет на принятие решения о том, какая организация будет управлять их пенсионными накоплениями. См.: Проценко А. Пенсионерам-«молчунам» добавят пять лет на раздумья // Российская газета. 2015. 3 ноября. URL: <https://rg.ru/2015/11/03/pensii-site-anons.html> (дата обращения: 23.06.2020).

Министерство финансов и Банк России анонсировали переформатирование накопительной системы с акцентом на добровольное накопительное пенсионное страхование, а весной 2018 г. начали широкое обсуждение индивидуального пенсионного плана (ИПП). С учетом общественной реакции на повышение пенсионного возраста эта дискуссия временно затихла, но в 2019 г. возобновилась — после того как финансовые власти представили гарантированный пенсионный план (ГПП), мало отличающийся от своего предшественника (ИПП).

С учетом длительности срока накопления пенсий основным адресатом политики государства в области индивидуального пенсионного накопления оказывается молодежь. Отсюда интерес, во-первых, к тому, что молодежь в принципе думает о своей будущей старости, ее материальном обеспечении, а во-вторых, к тому, как она относится к предлагаемому государством финансовому инструменту (ГПП). Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состояла в изучении установок молодежи относительно индивидуальных пенсионных накоплений и детерминирующих их факторов.

Описанная проблематика имеет междисциплинарный характер на стыке экономики, управления и социологии. В экономической науке вопросы соотношения потребления и накопления и детерминирующих их факторов отражены в работах Дж. М. Кейнса, полагавшего, что сбережения появляются лишь тогда, когда текущее потребление оказывается ниже текущего дохода [Кейнс, 1978]; Дж. Дьюзенберри, согласно которому уровень потребления индивида определяется не абсолютной величиной текущего дохода, а его соотношением к среднему доходу в той стране, к которой принадлежит индивид, а также «эффектом привычки» — склонностью поддерживать сложившийся уровень потребления [Duesenberry, 1949]; Ф. Модильяни, предложившего модель «*молодые копят, старые тратят*» [Modigliani, Ando, 1957; Ando, Modigliani, 1963], согласно которой индивид стремится сохранить уровень потребления на протяжении всей своей жизни, поэтому в период максимальной работоспособности не все доходы направляются на потребление, часть из них откладывается на старость [Modigliani, Brumberg, 1954]; М. Фридмана, утверждавшего, в противовес Кейнсу, что потребление зависит не только от текущего, но и от ожидаемого в будущем дохода и состоит из увязываемого с типом дохода (перманентный либо случайный) постоянного и временного потребления. В случае, когда текущий доход изменяется в кратко- и среднесрочном периоде, потребление изменяется пропорционально доходу; когда же речь идет об ожидаемых доходах, то в краткосрочном периоде потребление не изменяется, но в среднесрочном — увеличивается. Индивид стремится поддерживать уровень своего постоянного потребления в долгосрочном периоде, поэтому при позитивном изменении текущего дохода сбережения растут, а при негативном — уменьшаются [Friedman, 1957].

С точки зрения управления следует отметить парадигму *implementation research*, согласно которой три ключевых составляющих, определяющих успешность внедрения социальных управленческих новаций, — это концепция и организация процесса имплементации, отношение к данной новации субъектов, которым она адресована [Rothstein, 1998]. В части исследования возможностей учета поведенческих мотивов при реализации государственной политики полез-

ными оказываются работы авторов, занимающихся поведенческой экономикой. Такого рода меры обычно малозатратны, не ограничивают свободу выбора адресата регулирования, а лишь «подталкивают» его к искомым решениям, и при этом могут приводить к существенным результатам [Sunstein, 2014] и использоваться в качестве альтернативы классическим методам государственного регулирования, а также в дополнение к ним. Теоретические изыскания и практический опыт использования «подталкивания» позволили сформулировать четыре принципа государственного управления, использующего механизмы поведенческой экономики. Это простота (Easy), например, использование склонности людей выбирать вариант, предлагающийся по умолчанию, упрощение информации, предоставляемой государством гражданам для принятия решений и т. д.; привлекательность (Attractive), касающаяся используемых образов, цвета и т. д.; акцент на соответствии социальным нормам (Social) и учет временного фактора (Timely), например, одинаковые по содержанию предложения, сделанные в разное время, могут дать разную реакцию граждан. Люди также склонны по-разному оценивать затраты, которые требуется сделать в настоящем и будущем [Голодникова, Цыганков, Юнусова, 2018].

В рамках социологического подхода к данной проблематике наиболее продуктивными считаются теории, касающиеся, с одной стороны, такой неотъемлемой характеристики современной жизни, как риск, а с другой — «доверия», способного минимизировать пугающую человека неопределенность. Как подчеркивает Э. Гидденс, адаптация к современным реалиям требует от индивидов постоянного выбора из альтернатив, при том что просчитать все варианты развития событий невозможно [Гидденс, 2004]. Рискогенным становится то, что ранее служило опорой — работа, семья [Бек, 2000]. Реакция на рост неопределенности — крайний индивидуализм, а иногда и «рискофильство» как причастность к избранным, не боящимся действовать «на грани фола» [Lyng, 2008]. Это особенно касается молодежи, переходящей от относительной определенности родительской семьи к неопределенности самостоятельной жизни, и пытающейся удовлетворять свои статусные притязания в условиях стремительно изменяющейся социальной реальности [Зубок, 2003]. Проблема в том, что именно принятие решения снимает неопределенность, но слишком большая неопределенность может блокировать принятие решения, ведущего к безопасности [Луман, 1994]. Помочь принятию решений и, таким образом, планированию будущего призвано доверие, понимаемое как предсказуемость действий людей и социальных институтов, уверенность в выполнении ими своих обязательств [Кравченко, 2009]. Атмосфера же недоверия порождает беспокойство и накладывает на членов общества «дополнительную пошлину» [Фукуяма, 2004]. Доверие к институтам определяется нормативными ожиданиями рискогенности — «культурным профилем риска» (термин Штомпки). В отсутствие необходимого объема знаний и опыта у индивида возникает «отсрочка доверия» в отношении людей или институтов. Из выделенных Штомпкой девяти видов доверия к проблематике настоящего исследования относятся «общественное» (к структурам, учреждениям, организациям), «процедурное» (к институциональным практикам функционирования общества), «экспертное», «системное» (к самоидентификации и неизменности общественной и материальной среды);

«потребительское» (к определенным товарам и услугам), тесно связанное с «общественным» (к людям вообще) [Штомпка, 2012].

Говоря о рисках современной эпохи применительно к настоящему исследованию, следует упомянуть порождающую «черных лебедей» (в первую очередь финансовые кризисы) асимметрию ответственности, когда ущерб несут не принимающие ключевые решения, а те, кто не обладает полной информацией [Тaleb, 2019]. Финансовый кризис 2008—2009 гг. сформировал у экономистов и политиков представления о том, что мировую экономику ожидает эра слабого роста и перманентного экономического кризиса, и это не позволит поддерживать прежние масштабы соцобеспечения. Отсюда — зазвучавшие на международном уровне идеи о необходимости повышения финансовой грамотности населения: предполагается, что финансово грамотные граждане смогут управлять своим все более индивидуализированным экономическим риском и обеспечивать свои финансовые потребности, в том числе в области пенсионного обеспечения [Atkinson, 2012; Arthur, 2012]. Это резко увеличило количество работ, посвященных как теоретико-методологическим подходам к определению финансовой грамотности (практически все предполагают знание способов повышения своих пенсионных накоплений и стремление к этому, в том числе путем создания сбережений) [Mandell, 2007; Remund, 2010; Кузина, 2015; Моисеева, 2017], так и ее непосредственному измерению. В частности, российские исследователи используют такие индикаторы, как наличие стратегии, направленной на обеспечение старости; понимание важности «финансового буфера»; личная ответственность за достойную будущую старость; планирование пенсионного обеспечения⁵, готовность формировать дополнительные пенсионные накопления⁶; готовность пойти на риск ради преумножения пенсионных накоплений⁷; оценка надежности и доходности ПФР и НПФ⁸ и др.

Сфокусированные на молодежи исследования, посвященные непосредственно пенсионной проблематике, изучают осведомленность молодых россиян об устройстве системы пенсионного обеспечения, готовность участвовать в индивидуальных накопительных схемах, представления о способах материального обеспечения в старости, о рациональных моделях сберегательного поведения и т. д., а также о детерминирующих соответствующие установки факторах [Юшкова, Дорошенко, 2019; Вершинин, Власова, 2015; Власова, Костина, 2015; Заяц, Зиннатуллина, 2018].

Методология

Логика исследования предполагала движение от вопросов более общих, экзистенциальных (образ своей будущей старости; представления о том, какую старость можно квалифицировать как достойную; рефлексия опыта нынешних российских пенсионеров, в том числе сравнение их качества жизни с жизнью

⁵ Более подробно по данным индикаторам см.: [Моисеева, 2017: 60—63].

⁶ Формирования пенсионных начислений // Аналитический центр Юрия Левады. 2019. 3 июня. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/06/formirovaniya-pensionnyh-nachislenij/> (дата обращения: 26.06.2020).

⁷ Россияне о пенсионных накоплениях: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» // ВЦИОМ. 2008. 24 апреля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2900> (дата обращения: 26.06.2020).

⁸ Россияне готовы хранить сбережения в рублях // НАФИ. 2018. 9 января. URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-gotovy-khranit-sberezheniya-v-rublyakh/> (дата обращения: 26.06.2020).

пожилых граждан в развитых странах) через вопросы прожективного характера, касающиеся представлений об источниках доходов в период трудовой жизни и после наступления пенсионного возраста, к вопросу о готовности использовать конкретный, предлагаемый государством инструмент в виде гарантированного пенсионного плана, предполагающего использование услуг негосударственных пенсионных фондов, а в завершение вновь шло обращение к вопросам более общего характера: кто, прежде всего, должен отвечать за материальное обеспечение в старости — индивид или государство, и что требуется от последнего, чтобы жизнь будущих пенсионеров была достойной. Исходя из круга исследуемых вопросов, а также их слабой изученности применительно к молодежи, количественный метод социологического исследования был дополнен качественным методом, позволяющим получить дополнительную информацию для интерпретации данных массового (анкетного) опроса.

Таким образом, инструментарий исследования, реализованного зимой 2020 г., включал в себя, во-первых, массовый анкетный опрос жителей Москвы в возрасте до 30 лет ($N = 500$)⁹, при этом выборка репрезентировала генеральную совокупность по признаку пола¹⁰, а также фокус-групповые интервью со сбалансированной по полу столичной молодежью ($N = 4$). Что касается статуса занятости, то почти 2/3 респондентов работают: 30 % — подрабатывают, 13 % работают на постоянной основе неполный рабочий день и еще 20 % имеют полную занятость; при этом, как и следовало ожидать, чем старше респонденты, тем чаще они работают на постоянной основе. Анкета состояла из четырех смысловых блоков, включавших в себя 33 преимущественно полузакрытых вопроса, призванных выяснить, во-первых, что молодежь думает о своей будущей старости: какой ее видит; задумывается ли уже о своем материальном обеспечении в старости, на что в этом плане рассчитывает; верит ли в возможность выстраивания долгосрочных стратегий в современном мире; на кого — на себя или государство — делает ставку и т. д. Во-вторых, как относится к предложенному государством ГПП: готова ли в этом участвовать, как оценивает предпочтения, предусмотренные государством для участников этой схемы; как в целом оценивает надежность и доходность различных инструментов накопления и инвестирования средств; что ждет от государства в части реформы системы пенсионного обеспечения и т. д. Сценарий фокус-групповых интервью содержал четыре аналогичных по смыслу блока. Всего было проведено четыре

⁹ Возрастной диапазон респондентов сверху ограничивался возрастом, установленным в качестве верхней границы в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р, нижняя граница — 18 лет, так как основу выборки составили студенты московских вузов (на этапе пилотажа анкеты был применен метод стихийного отбора (добровольцев); респонденты для полноценного массового опроса рекрутировались методом снежного кома через респондентов, участвовавших в пилотажном этапе исследования), это же объясняет и сдвиг в сторону более молодых возрастов (85 % составили молодые люди в возрасте 18—24 года и еще 15 % — 25—29 лет).

¹⁰ Предполагалось, что на установки, касающиеся источников материального обеспечения до и после наступления старости, могут влиять имеющие половую специфику представления о распределении семейных обязанностей (в данном случае — обязанности кормильца). Согласно Росстату, в Москве проживает около 1 млн 400 граждан в возрасте от 18 до 30 лет (см.: Численность постоянного населения России по возрасту на 1 января. URL: https://showdata.gks.ru/report/274848?&filter_1_0=2020-01-01+00%3A00%3A00%7C-56&filter_2_0=127937&filter_3_0=13200&filter_4_0=130159%2C130044%2C130167%2C130249%2C130127&rp_submit=t (дата обращения: 24.06.2020)), из них 46,2 % мужчин и 53,8 % женщин (см.: Численность мужчин и женщин в России по регионам и по годам. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/200-sootnoshenie-chislennosti-muzhchin-i-zhenshchin-rossii-v-2010-i-2002-godakh-tablitsa> (дата обращения: 24.06.2020)).

фокус-группы (по пять — семь человек в каждой) со сбалансированной по полу и разнообразной по возрасту столичной молодежи, в основном имеющей полную или неполную занятость.

Результаты

Представления о будущей старости

Большинство участников массового опроса практически не задумываются о своей жизни на горизонте 30—40 лет: более половины делают это лишь изредка, а каждый четвертый вообще никогда («У многих, кто меня окружает, такой стереотип, что нужно жить здесь и сейчас. Поэтому они не видят свое будущее в долгосрочной перспективе»¹¹). Будучи же спрошенными, какой она им видится (с помощью шкалы семантического дифференциала Ч. Осгуда, содержащей альтернативные оценки здоровья, наличия ближайшего окружения, материального достатка, социального престижа, автономности, содержательности жизни), рисовали весьма оптимистичную картину (см. рис. 1), вполне ожидаемую для их возраста.

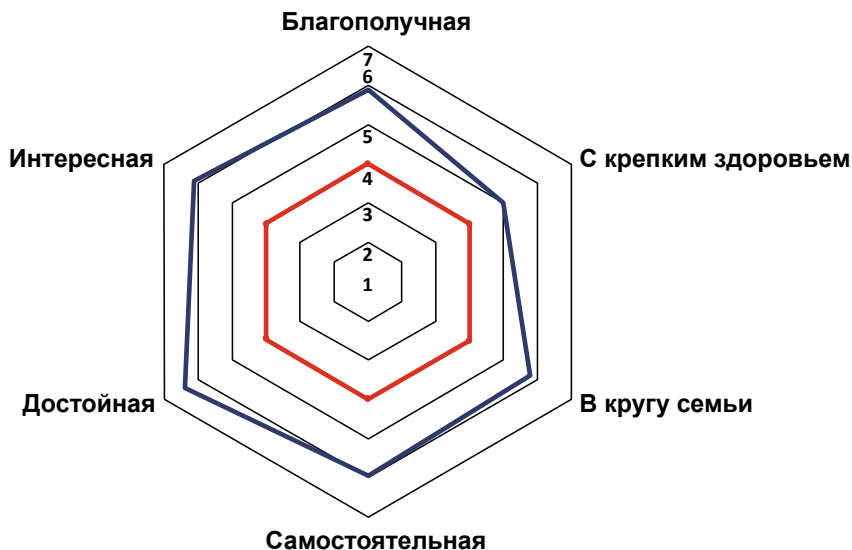

Рис. 1. Представления молодежи о своей старости¹²

Аналогичный оптимизм демонстрировали и участники фокус-групп («Загородный дом, цветочки, внуки. Не знаю, можно ли будет прожить на пенсию или нет, поэтому отложу себе на всякий случай что-нибудь. Путешествия будут. Заведу себе животных и т. д.), хотя у юношей встречались и пессимистические высказывания: «Мне кажется, что в перспективе 30—40 лет шансы некоторых из нас стремятся к нулю. Старость будет короткая, 65 лет — максимум».

¹¹ Здесь и далее курсивом обозначены фрагменты высказываний участников фокус-групповых интервью.

¹² Цифрой 1 обозначена предельно отрицательная оценка; цифрой 7 — максимально положительная. Синяя линия — среднее значение по выборке, красная линия — граница между положительными и отрицательными значениями.

С учетом наличия в массовом сознании понятия «достойная старость» (заметим, что, рисуя картину собственной старости, респонденты максимально далеко дистанцировались от противоположного значения («унизительная»): средняя оценка — 6,40) мы попросили респондентов расшифровать это клише (открытый вопрос). Анкетирование и фокус-группы дали похожие результаты: достойная старость — это наличие достатка (*«быть полностью независимым, не нуждаться в помощи близких людей и не надеяться только на пенсию»*), крепкой семьи (*«старость в кругу близких и любимых людей»*), здоровья (*«крепкое здоровье, здоровый дух... активный образ жизни»*), возможность путешествовать, иметь интересный досуг (*«проводишь старость не в одном каком-то месте, а путешествуешь по другим странам»*) и приносить пользу окружающим (*«семья как продолжение рода: не то чтобы я с ними живу — скорее, я им помогаю, чем они мне»*).

Полной противоположностью этому видится респондентам жизнь абсолютного большинства российских пенсионеров (только 4% участников опроса полагают, что старость значительного числа российских пенсионеров можно назвать достойной), и основная причина — нехватка средств (*«Пенсионеры вынуждены подрабатывать, потому что пенсии банально не хватает на продукты и коммунальные услуги»*; *«У пенсионеров нет денег, нет даже социальной помощи, когда она нужна»*; *«У них цель жизни — копить на похороны»*; *«У пенсионеров нет развлечений, никакой радости нет»*).

Такая ситуация представляется молодежи несправедливой с точки зрения уровня жизни: *«Самим пенсионерам нужно не так много, но те размеры пенсии, которые установлены у нас в государстве, даже этого минимума не достигают»*; *«Пенсия не учитывает реальный уровень инфляции, падение рубля и т. п. То, что ее повышают раз в несколько лет, совсем не соответствует реальным ценам, которые постоянно растут...»*. Также несправедливость касается трудового вклада: *«У меня есть знакомый, который работал с 17 лет, а сейчас получает практически такую же пенсию, как те, кто не работал»*; *«Пенсия совсем несправедлива — что ты работал, что не работал — разница минимальная. У преподавателей, которые всю жизнь работали, пенсия в сто раз меньше, чем у чиновников и военных»*.

Иной представляется молодежи жизнь пенсионеров за рубежом, прежде всего, в европейских странах — типичное высказывание: *«Там люди счастливее, если на них посмотреть. Все имеют. Путешествуют в разные европейские страны. Все ездят, как хотят. Достаточно активные. У них, наверное, есть смысл жизни и, судя по всему, денег достаточно. Так что у них с пенсией все-таки лучше»*.

Поскольку важным показателем уровня и качества жизни после выхода на пенсию является коэффициент замещения, респондентов попросили предположить, какую долю от величины среднего заработка сегодня составляют пенсии, и какой, по их мнению, должна быть эта доля. Как видим на рисунке 2, желаемый коэффициент замещения пенсий (55%) вдвое превышает представляемый (25%), который довольно близок к реальному коэффициенту (32%), имеющемуся в России.

С учетом столь разительного контраста между должным и реальным респонденты отдают должное жизнеспособности и неприхотливости старшего поколения: *«Если бы мы сегодня были пенсионерами, то при условии нашего бэкграунда, воспитания мы бы точно не выжили. Те люди гораздо терпеливее, выносливее, находчивее нас»*.

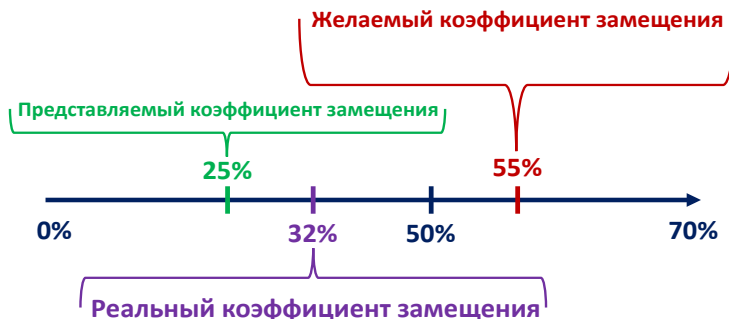

Рис. 2. Представления молодежи о должном и о сегодняшнем коэффициентах замещения пенсии

Представления об источниках материального обеспечения своей старости

Учитывая накопительный характер ГПП (необходимость постоянных отчислений), прежде чем задать респондентам вопрос о том, на что они планируют жить в старости, мы выяснили их представления об источниках дохода до наступления пенсионного возраста, а также об уровне их доходов и их стабильности. Согласно результатам опроса, до наступления старости абсолютное большинство (на уровне 90 %) респондентов видит основным источником своего дохода зарплату наемного работника; вторым по значимости выступает доход от собственного бизнеса (указали 65 % респондентов), третьим — недвижимость (60 %) (см. табл. 1).

Таблица 1. Представления молодежи об источниках доходов до наступления старости

Источники дохода	Индекс*
Доходы от трудовой деятельности	0,6967
Доходы от собственного бизнеса	0,2475
Доходы от сдачи недвижимого имущества в аренду	0,1612
Доходы супруга	0,0520
Доходы от финансовых операций	-0,0635
Материальная помощь родителей, родных	-0,4429

* Ряд вопросов анкеты и закрытий к ним предусматривали возможность построения обобщающих индексов. Индексы рассчитывались по четырехчленным шкалам с использованием формулы, согласно которой из суммы положительных и полуположительных ответов вычитается сумма отрицательных и полуотрицательных ответов, и полученная величина делится на общее количество ответов. Такой индекс позволяет отразить общую тенденцию по тому или иному показателю, где: «+1» означает положительное отношение (положительную уверенность), «-1» — отрицательное отношение (отрицательную уверенность), а «0» свидетельствует о еще несформировавшемся отношении.

Лишь 47 % опрошенных полагают, что их занятость будет стабильной, при этом одни респонденты исходят из представлений о востребованности их профессии («Моя отрасль [IT-индустрия] точно стабильна, и ни при каких кризисах точно никуда не денется»), другие — из подкрепленного наблюдениями за сегодняшней жизнью принципа, описанного Я. Гашеком в «Похождениях бравого солдата Швейка», «ведь никогда ж так не было, чтобы ничего не было» («Все же в России живем. Как это все работает: люди делают вид, что производят какие-то сложные вещи, и получают за это деньги. У меня на работе так делают все. И если у них до сих пор есть работа, то я склоняюсь к тому, что и моя работа будет стабильной»). Каждый пятый респондент уверен в обратном, еще более трети сомневаются в стабильности занятости («Я в своей отрасли совсем не уверена — в ней сложно говорить как о стабильности, так и о приличной зарплате»; «Моя отрасль [образование] стабильна 50 на 50»), часть из них смотрит на проблему с оптимизмом: «Стабильность никто не обещает, но мы люди мобильные, поэтому всегда найдем работу».

После наступления пенсионного возраста абсолютное большинство участников анкетного опроса (92 %) планируют жить на сбережения (55 % выразили уверенность и 37 % — «скорее уверены»), а также — в заметно меньшей степени — на рентные доходы, доходы от собственного бизнеса и зарплату (см. табл. 2).

Таблица 2. Представления молодежи об источниках доходов после наступления пенсионного возраста

Источники дохода	Индекс
Личные накопления, сбережения	0,6840
Доходы от сдачи имущества в аренду	0,3020
Доходы от собственного бизнеса	0,2449
Доходы от трудовой деятельности	0,2081
Государственная пенсия	-0,0470
Материальная помощь детей, родных	-0,0533
Доходы от финансовых операций	-0,1104
Корпоративная пенсия	-0,2830
Дополнительная пенсия от НПФ	-0,3668

В то же время молодежь не уверена в возможности накопить соответствующую данной цели сумму: «Когда прикидываешь, какой примерно должна быть сумма, проценты с которой могли бы обеспечить нормальную жизнь, то понимаешь: накопить такую сумму, откладывая по возможности, просто всей жизни не хватит»; «Откладывать с зарплаты, отрывать от себя — не имеет почти никакого смысла».

Чтобы в старости что-то иметь, нужно большими суммами откладывать — мелкими суммами ничего не накопишь»). Также есть сомнения в возможности сохранить деньги: «У меня сомнения по поводу экономической системы через 40 лет — нет уверенности, что все накопления, которые я за это время сделаю, не будут равнены к ничему — как было в 90-е годы». Есть и принципиальные противники сбережений: «Я бы не прибегал к политике накопления, а составил бы чек-лист, и если бы мои доходы росли, просто закрывал бы в нем те или иные позиции».

В развитие темы накоплений участникам массового опроса предлагалось оценить различные способы вложения средств с точки зрения их долгосрочной сохранности, а также способности приносить постоянный доход (см. рис. 3).

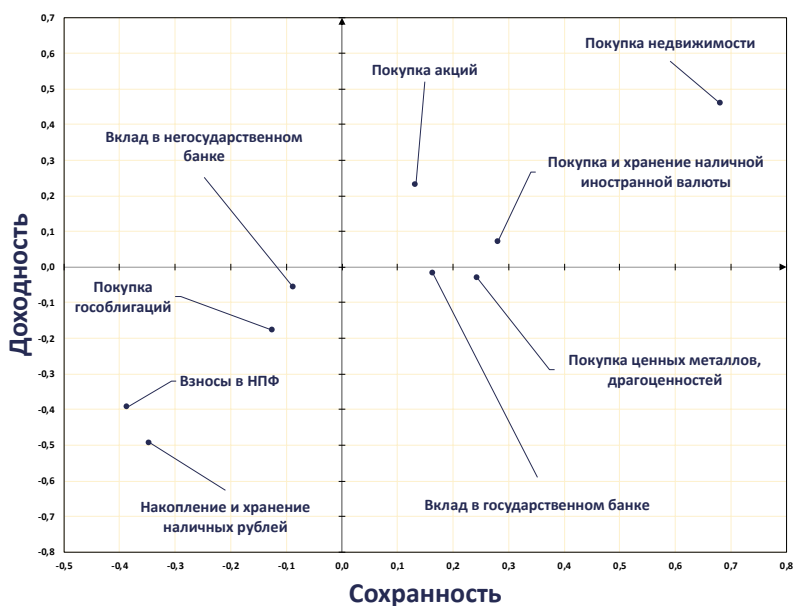

Рис. 3. Оценка молодежью различных способов вложения средств с точки зрения сохранности и доходности

Наиболее надежными и выгодными способами вложений молодежи представляется покупка недвижимости («Ближайшие крупные накопления я бы инвестировала в недвижимость. Банк? Нет, там очень маленькие проценты — чуть-чуть и инфляция съест. Только маленькие суммы и так, чтобы инфляция не съедала, можно положить»), что коррелирует со вторым по значимости источником доходов в старости: приобретение акций («После того, как мой доход позволит мне делать сбережения (перевалит за 90 тысяч), буду вкладываться в акции, но очень осторожно — в ограниченном количестве») и наличной иностранной валюты («Учитывая, что наша валюта нестабильна, буду держать некоторую сумму в максимально надежной — в евро»). Депозит в банке с государственным участием, а также покупка ценных металлов и драгоценностей, видятся респондентам надежными, но менее выгодными. Если все же открывать депозит, то «в валюте — там процент небольшой,

но с учетом того, как нестабилен рубль, лучше держать деньги в ней». Некоторые планируют диверсифицировать вложения: «Хеджированный портфель валюты, ценных бумаг плюс вложения в ту фирму, в которой я сейчас работаю — у меня договоренность с владельцами, что постепенно я буду становиться акционером».

Что касается приносящего доходы собственного бизнеса, то эта деятельность видится респондентам как необременительное с физической точки зрения общее руководство налаженным делом («Скорее, это должна быть руководящая должность, где ты делегируешь обязанность и управляешь процессом») или монетизированное хобби («Мне кажется, что я буду жить в своем доме за городом и иметь работу чисто для души — не какая-то высокая должность, а просто работа-хобби»). Наемная занятость увязывается с наличием здоровья и рабочих мест для работников старших возрастов («У меня будет черный заработок — фриланс, и только первое время от начала пенсии, пока будут позволять здоровье и возможности»), причем в последнем респонденты не уверены («Найти работу будет в 50 раз сложнее, и чем ты старше, тем сложнее»).

При всех высказанных сомнениях и обозначенных проблемах почти 70% респондентов оптимистично рассчитывают на то, что их уровень жизни в старости будет значительно либо несколько выше среднего по стране (см. рис. 4).

Рис. 4. Ожидания молодежи относительно уровня своей жизни в старости

На государственную пенсию (впрочем, как и на корпоративную и на индивидуальную, накопленную в НПФ, — у этих источников дохода также отрицательные индексы) как на основной источник доходов респонденты практически не рассчитывают. Причина — рефлексия опыта старших поколений, а также собственный опыт неформальной занятости: «Я работала на нескольких работах и никогда не оформляла трудовой договор, не платила налоги, и мне от этого было очень спокойно»; «У меня есть регулярные шашки (написать статью, выпустить газету и т. д.), которые я делаю за наличные»; «У меня есть знакомые, которые работают в черную и совсем не заботятся об отчислениях, о своей пенсии. Они уверены

в том, что смогут себя обеспечить сами». В ряде случаев респонденты подчеркивали симметричность подобных взаимоотношений с государством: «Я в основном в черную работал и ничего никуда не отчислял. У нас с государством такая позиция: оно мне, как я понимаю, не собирается ничего выплачивать, и я не собираюсь ничего ему отчислять».

Недоверие к институту государственной пенсии приводит молодежь к выводу о необходимости предоставления населению права не участвовать в солидарной пенсионной системе, а самостоятельно заботиться о своей старости: «Я бы не хотела, чтобы у меня была пенсия. Она должна быть добровольной. Может быть, я сама себе накоплю, а у меня из зарплаты вычитают эти деньги»; «Можно и нужно предоставить человеку выбор, хочу ли я отчислять государству или не хочу». Некоторые респонденты подчеркивали, что для того, чтобы будущие пенсионеры знали, как нужно действовать, необходимо определиться самому государству — является ли оно социальным или, как выражались респонденты, «независимым» (по-видимому, от обязательств перед гражданами): «Государству необходимо сделать выбор, какое оно — социальное или независимое. Чтобы люди среднего возраста или молодые могли понимать, рассчитывать им на государство или начинать самим что-то делать».

Отношение к гарантированному пенсионному плану¹³

Как показали результаты анкетного опроса, ГПП в перспективе может вызвать интерес у меньшей части молодежи (см. рис. 5).

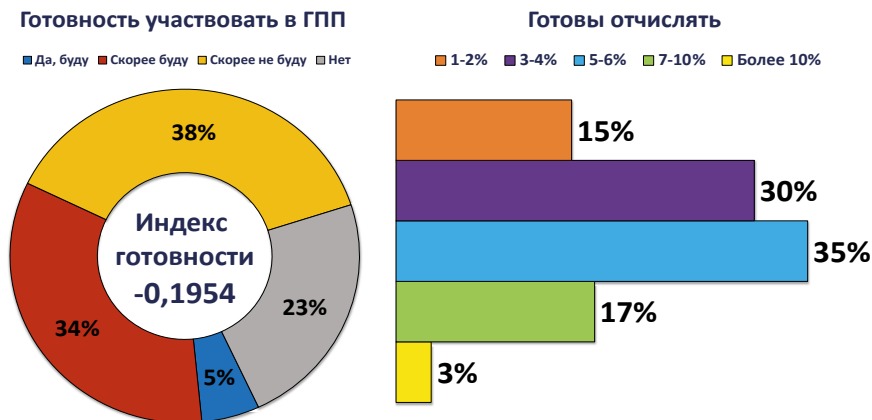

Рис. 5. Готовность молодежи участвовать в ГПП.
Размер потенциальных отчислений у готовых участвовать в ГПП

¹³ Поскольку предполагался низкий уровень информированности молодежи о ГПП (в силу отсутствия у россиян интереса к взаимодействию с НПФ, а также лишь недавнего появления нового инструмента и пока что слабой информационной поддержки его продвижения), блоку анкеты, посвященному ГПП, предшествовала преамбула, информирующая респондентов о сути и смысле ГПП. Далее, уже в рамках блока, имелся вопрос в табличной форме, в котором перечислялись основные предпочтения для участников ГПП и предлагалось оценить, в какой мере та или иная предпочтения делает ГПП более привлекательным для респондента.

Чем старше респонденты, тем меньше они готовы в этом участвовать (см. табл. 3), что, возможно, связано с умозрительностью представлений более молодых, еще не имеющих занятости респондентов о своей зарплате и структуре расходов семейного бюджета.

Таблица 3. **Готовность молодежи участвовать в ГПП в зависимости от возраста**

Готовность участвовать	Возраст		
	Менее 20 лет	20—24 года	25—29 лет
Нет, не буду	15,2%	26%	33,3%
Скорее не буду	39,8%	34,2%	47,9%
Скорее буду	40,3%	31,7%	16,7%
Да, буду	4,7%	8,1%	2,1%

Аналогичная связь с возрастом прослеживается и в вопросе о размере добровольных отчислений на ГПП у респондентов, выразивших готовность в нем участвовать (см. табл. 4).

Таблица 4. **Размер отчислений, на который согласны респонденты, выразившие готовность участвовать в ГПП**

Доля заработной платы	Возраст		
	Менее 20 лет	20—24 года	25—29 лет
1%—2%	16,5%	10,2%	22,2%
3%—4%	26,8%	38,8%	22,2%
5%—6%	38,1%	24,5%	55,6%
7%—10%	15,5%	22,4%	0%
Более 10%	3,1%	4,1%	0%

Нежелание населения участвовать в добровольных накопительных схемах, предполагающих взаимодействие с НПФ, респонденты объясняют прежде всего отсутствием лишних денег, а также недоверием негосударственным финансовым институтам и тем инструментам, которые они используют для сохранности и преумножения вложенных средств (см. рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос, чем объясняется неготовность россиян накапливать пенсии в негосударственных пенсионных фондах (до трех вариантов ответа)

Участники фокус-групп также говорили о нехватке средств («На данный момент мне доход не позволяет еще и дополнительно куда-то отчислять...»; «Сейчас я еще не готова, потому что мой доход пока слишком маленький. Но лет через 5—10 я бы хотела хотя бы попробовать») и о недоверии НПФ. Последнее обусловлено непонятностью их работы («Если я буду вкладывать куда-то в доверительное управление свои деньги, то в хедж-фонды — с понятной структурой портфеля, с понятными методами управления и т. д. А НПФ — это какие-то мутные структуры с очень сомнительными перспективами, особенно если речь идет об интервалах в 30—40 лет. Не думаю, что они и 10 лет проживут»), а также отсутствием реальных позитивных примеров («Я еще никого не видела, кто бы вложил в эти фонды, и сейчас хорошо жил. Просто нет примера перед глазами»). Упоминается и негативный опыт, связанный с замораживанием накоплений в рамках обязательного накопительного элемента: «Обещали, что все будет хорошо, а оказалось все не очень хорошо — в один момент все развалилось, и деньги утекли в никуда. Подозреваю, что это такая же схема, как предыдущая. Если бы не было такого негативного бэкграунда, возможно, и поучаствовал бы»; «Идея очень хорошая. Но у меня нет доверия. Потому что государство в любой момент может прийти и сказать: «Мне нужны деньги, давайте еще и эти фонды тоже заморозим»».

При наличии средств респонденты склонны осуществлять инвестиционную деятельность самостоятельно: «Если бы у меня были деньги, которые я могла куда-то инвестировать, то я бы делала это сама — сама выбирала инструменты, решала, куда вкладывать и как. Это могут быть какие-то инвестиционные проекты, но точно не НПФ».

С целью повышения привлекательности ГПП для населения предусмотрен ряд стимулирующих мер: освобождение от уплаты НДФЛ с сумм, направляемых на ГПП; возможность наследования средств, накопленных в рамках ГПП; право на получение единовременной выплаты всей суммы ГПП; отслеживание состояния индивидуального счета по ГПП в онлайн-режиме. Оценка привлекательности этих мер участниками массового опроса представлена в таблице 5.

Таблица 5. Оценка молодежью мер, стимулирующих участие в ГПП

Стимулирующая мера	Индекс
Отслеживание счета в онлайн-режиме	0,2208
Возможность снизить налоговую базу НДФЛ	0,2056
Наследование ГПП	0,1701
Единовременная выплата всей суммы накоплений с уплатой подоходного налога	-0,1383

Наиболее привлекательной мерой, способной повысить желание респондентов участвовать в ГПП, является возможность в удобном режиме отслеживать состояние счета (отмечено 66 % участников опроса), следом идут льгота по уплате НДФЛ (65 % отметивших) и возможность передачи средств ГПП по наследству (62 %). Право единовременно получить всю накопленную сумму за вычетом подоходного налога отметили 41 % респондентов.

У участников фокус-групп стимулирующие меры вызывают, скорее, скепсис, в отношении как налоговых льгот: «Налоговый вычет был бы для меня актуальным, если бы мой доход был достаточно высоким. Но сейчас не такой»; «Я являюсь индивидуальным предпринимателем и плачу не НДФЛ, а УСН. По УСН налоговые вычеты не предусмотрены, поэтому мне это неинтересно. А если бы были вычеты по УСН, то я бы сел и посчитал» (хотя высказывались и иные соображения: «Из всех четырех преимуществ, только одно, действительно, есть — это уменьшение налоговой базы, все остальное — это то, что уже везде есть по умолчанию»), так и возможности наследования: «Если я вкладываюсь в другие понятные инструменты, они и так по наследству передаются. Поэтому я не вижу какой-то выгоды в этом инструменте»; «Не знаю, какая выгода от права наследования: можно просто заранее вывести эти деньги и так передать наследникам». Возможность отслеживать состояние счета не только не впечатляет респондентов, но даже настораживает: «Это не какое-то суперпредложение. Везде можно зайти и отследить состояние своего счета. Это уже давным-давно везде есть»; «Мне даже было бы подозрительно то, что предлагают такую вещь — онлайн-отслеживание счета... У нас XXI век! Такая система предусмотрена в каждом финансовом инструменте. Если я вкладываюсь в ценные бумаги, я их вижу не то что онлайн, у меня открыта вкладка, где каждую

секунду отражается стоимость портфеля. Все это очень странно, потому что такое отслеживание должно быть предусмотрено изначально».

С точки зрения участников фокус-групп, необходимыми качествами подобного финансового инструмента должны быть, во-первых, гарантия сохранности денежных средств и защита от их обесценивания («Если гарантированная ставка дохода будет выше, чем у других инструментов, и при этом была бы гарантия сохранности денежных средств, то я бы подумал»; «Чтобы сумма, которая у меня там хранится, индексировалась, если цены вдруг вырастут») и, во-вторых, возможность участия в составлении портфеля инвестиций («Если будет какая-то система голосования вкладчиков, меня бы это заинтересовало», «Было бы не плохо, если бы НПФ предлагали беспроигрышные варианты для вложения. Но я хочу, чтобы у меня оставалось право выбора, куда вкладывать, даже если будет какой-то ограниченный список выигрышных вариантов»; «Я хотел бы участвовать в определении того, куда эти деньги вкладываются. Или чтобы я мог хотя бы видеть, куда эти деньги вкладываются. Например, они хотят вложить мои деньги в российские гособлигации, а мне это не нравится. Пускай они принимают решение, а я мог бы в этом принять участие»).

Говоря о гарантиях сохранности средств, участники фокус-групп делали акцент на том, что большее доверие у них вызывают зарубежные финансовые институты: «Если ГПП поддержит какая-нибудь крупная независимая финансовая организация с хорошей репутацией — не российская. На которую можно положиться, что хоть какие-то средства я верну обратно, если все рухнет. Мне нужна гарантия, что меня не кинут»; «Если бы этот НПФ находился в России, а средства аккумулировал за рубежом — чтобы гарантии прилетали не из России. Все, что внутри России, для меня не имеет никакого фундамента...»

Следуя лозунгу «критикуя, предлагай», мы попросили респондентов указать, в каком направлении следует действовать государству, чтобы обеспечить достойную старость будущим пенсионерам. Судя по результатам опроса, первые строчки занимают меры, связанные со справедливостью в отношении, во-первых, распределения национального продукта, а во-вторых, расчета пенсий: очевидно, что и то, и другое касается справедливой компенсации того трудового вклада, который внесли в развитие страны граждане, уже не способные трудиться с прежней интенсивностью (см. рис. 7). Далее с некоторым отрывом идет рекомендация стимулировать индивидуальные пенсионные накопления (исключительно добровольные) посредством эффективных налоговых льгот.

В то же время молодежь не снимает ответственности за материальное обеспечение старости будущих пенсионеров с самих граждан (на это указали 85 % респондентов, в то время как на обязанность государства в лице пенсионного фонда — 65 %). А государство должно им в этом помочь, создавая необходимые условия для формирования и долгосрочной сохранности индивидуальных сбережений («Государство должно предоставить инструменты и создать прозрачную среду, поднимать общий уровень экономики и финансовой грамотности населения, чтобы граждане могли сами этот вопрос адекватно решать»), в том числе осуществляя надлежащим образом свои контрольно-надзорные функции («Государство должно осуществлять более жесткий контроль за деятельностью банков и других финансо-

вых организаций. Потому что у нас нет никакого доверия даже государственным банкам. Так как они проводят достаточно агрессивную политику, которая не всегда в интересах вкладчиков и потребителей финансовых услуг»). Наконец, государству рекомендуется проводить такую политику, которая бы не подрывала доверия граждан, в данном случае — в пенсионной сфере: «Можно просто ничего не менять очень резко. Например, мы всегда жили и думали, что должны уходить на пенсию в 55. И вдруг за один месяц там решили, что теперь в 65. Такое же может произойти и с нами: скажут, продолжительность жизни увеличилась, поработайте-ка до 80».

Рис. 7. Представления молодежи о мерах со стороны государства, способных обеспечить достойную старость будущим пенсионерам (до трех вариантов ответа)

Заключение

Несмотря на неудачный предшествующий опыт внедрения добровольного пенсионного страхования (за почти 30 лет существования НПФ формирование негосударственных пенсий так и не стало общепринятой практикой) и обязательного пенсионного накопления (средства которого в настоящий момент заморожены), государство продолжает проявлять заинтересованность в развитии накопительных пенсионных схем — как инструмента привлечения в экономику «длинных денег» и способа повышения уровня жизни будущих пенсионеров. В настоящее время финансовыми ведомствами разработан и проходит публичное обсуждение гарантированный пенсионный план — инструмент добровольного пенсионного страхования с привлечением негосударственных пенсионных фондов. Повышению интереса населения к использованию ГПП призван служить ряд стимулирующих мер, связанных с налогообложением, прозрачностью и распоряжением накопленными средствами, включая вопросы наследования. Одним из очевидных адресатов предлагаемого

государством инструмента является молодежь, чей трудовой путь как раз и должен составить те 30—40 лет, в течение которых обычно формируется накопительная пенсия. Проведенное исследование позволило изучить отношение молодежи к ГПП и предложенным государством стимулирующим мерам, а также выяснить, какими способами молодые люди планируют обеспечивать свою старость.

Как следует из полученных данных, большинство респондентов не рассматривают ГПП как перспективный инструмент пенсионных накоплений (хотя стимулирующие меры в целом оцениваются большинством участников массового опроса положительно). В настоящий момент о готовности его использовать заявили около трети заполнивших анкеты. Причем чем старше респонденты, тем меньше среди них доля готовых включиться в эту схему. То же касается и доли зарплаты, которую респонденты, положительно относящиеся к ГПП, готовы добровольно направлять на свой пенсионный счет.

Важнейшими факторами, определяющими неготовность молодежи использовать ГПП, являются недостаточный для производства дополнительных отчислений размер доходов, и в еще большей степени — недоверие к НПФ, обусловленное отсутствием позитивных примеров их работы, непрозрачностью деятельности, недостаточностью регулирования, гарантирующего долгосрочную сохранность вложенных средств.

Мало рассчитывая на пенсию (как государственную, так и корпоративную и индивидуальную накопительную), молодежь планирует обеспечивать свою старость прежде всего за счет сбережений (наиболее надежной их формой молодежь видит вложения в недвижимость, акции и наличную иностранную валюту), рентных доходов от своего имущества, доходов от бизнеса и продолжения работы после наступления пенсионного возраста. Несмотря на то, что респонденты не всегда уверены в том, что смогут накопить и, особенно, сохранить необходимую для обеспечения старости сумму, а также найти, состарившись, рабочее место, они настроены оптимистично — собственная старость им видится вполне благополучной (в том числе и с точки зрения достатка — более 2/3 респондентов полагают, что их уровень жизни в старости будет выше среднего по стране). Как тут не вспомнить слова И. С. Тургенева о том, что тайна прелести молодости «состоит не в возможности все сделать, а в возможности думать, что все сделаешь»...

Нарисованный респондентами образ своей будущей старости радикально отличается от представлений молодежи о жизни нынешних пенсионеров. Борьба за существование, которую сегодня приходится вести большинству пенсионеров, абсолютно не согласуется с представлениями молодежи о достойной старости и расценивается ею как несправедливость и недооценка трудового вклада состарившихся граждан. Неслучайно среди государственных мер, способных повысить уровень жизни будущих пенсионеров, наибольшую поддержку получили меры, связанные с направлением на цели государственного пенсионного обеспечения части ВВП, а также более справедливой формулой расчета государственных пенсий.

Хотя сегодня о своей жизни через 30—40 лет всерьез задумывается меньшинство респондентов, обязанность обеспечивать свою старость они возлагают и на самих граждан, в том числе на себя. Государство же, по их мнению, должно создавать условия, позволяющие людям зарабатывать и долгосрочно сохранять свои средства.

А также не совершать действия, подрывающие доверие населения к государству, национальной валюте, институтам социальной политики (длящаяся десятилетиями негативная ситуация в сфере пенсионного обеспечения ведет к девальвации в глазах населения одного из важнейших социальных институтов — солидарной пенсионной системы). Ведь, как известно, доверие утрачивается легко, восстановление же культуры доверия требует значительных ресурсов и времени [Штомпка, 2012].

Список литературы (References)

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Бурденко В. А., Павлюченко В. Г. Об очередной пенсионной реформе // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4. С. 60—66.
Burdenko V. A., Pavlyuchenko V. G. (2016) The Next Pension Reform. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 4. P. 60—66. (In Russ.)

Вершинин С. Е., Власова О. И. Представления молодых россиян о своем пенсионном будущем // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 26. С. 124—130.

Vershinin S. E., Vlasova O. I. (2015) Young Russians' Images of Their Retirement Future. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 26. P. 124—130. (In Russ.)

Власова О. И., Костина Н. Б. Пенсионные планы молодого поколения россиян: государственный патернализм или субъектное партнерство? // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 211—217.

Vlasova O. I., Kostina N. B. (2015) Pension Plans of the Younger Generation of the Russians: State Paternalism or Subject Partnership? *Management Issues*. No. 6. P. 211—217. (In Russ.)

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.

Giddens A. (2004) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. Moscow: Ves Mir Publishers. (In Russ.)

Голодникова А. Е., Цыганков Д. Б., Юнусова М. А. Потенциал использования концепции «nudge» в государственном регулировании // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 7—31.

Golodnikova A. E., Tsygankov D. B., Yunusova M. A. (2018) Potential of Using “Nudge” Concept in State Regulation. *Public Administration Issues*. No. 3. P. 7—31. (In Russ.)

Заяц О. В., Зиннатуллина Д. И. Уровень информированности молодежи о пенсионном страховании в России (на примере студентов ДВФУ) // World Science: Problems and Innovations. Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции / под отв. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение, 2018. С. 317—321.

Zayats O. V., Zinnatullina D. I. (2018) Level of Youth Inspiration about Pension Insurance in Russia (On the Example of Students of FEFU). In: Gulyayev G. Yu. (ed.) *World Science:*

Problems and Innovations. Collection of Articles of the XXIIIrd International Academic and Practical Conference. Penza: Nauka i Prosveshcheniye. P. 317—321. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42—51.

Zubok Yu. A. (2003) Youth Social Development Issues under Risk Conditions. *Sociological Studies*. No. 2. P. 42—51. (In Russ.)

Инвестиционно-сберегательные стратегии высокодоходных групп населения / под науч. ред. О. А. Александровой, А. В. Ярашевой. М.: Экон-Информ, 2016.

Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. (eds.) *Investment and Savings Strategies of Highly Profitable Groups*. Moscow: Econ-Inform, 2016. (In Russ.)

Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978.

Keynes J. (1978) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009.

Kravchenko S. A. (2009) *Risks in a Non-Linear Globolocal Society*. Moscow: Ankil. (In Russ.)

Кузина О. Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: Определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129—148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-129-148>.

Kuzina O. E. (2015) Financial Literacy and Financial Capability: Definitions, Measurement Methods, and Analysis in the Case of Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 129—148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-129-148>. (In Russ.)

Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135—160.

Luhmann N. (1994) Der Begriff Risiko. *THESIS*. No. 5. P. 135—160. (In Russ.)

Моисеева Д. В. Финансовая грамотность населения российского региона: Экономико-социологический анализ: дис. ... к. соц. н. Волгоград, 2017.

Moiseeva D. V. (2017) *Financial Literacy of the Population of the Russian Region: Economic and Sociological Analysis*. PhD Thesis. Volgograd. (In Russ.)

Пудовкин А. В. Анализ системы пенсионного обеспечения СССР // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 217—223.

Pudovkin A. V. (2015) Analyzing the Pension System of the USSR. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2. P. 217—223. (In Russ.)

Тaleb Н. Н. Рискья собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2019.

Taleb N. N. (2019) *Skin in the Game. Hidden Asymmetries in Daily Life*. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. (In Russ.)

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004.

Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow: AST; Ermak. (In Russ.)

Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.

Sztompka P. (2012) *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Юшкова С. А., Дорошенко М. В. Стратегии пенсионного поведения в условиях реформирования пенсионной системы // *Власть*. 2019. Т. 27. № 1. С. 41—46. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6196>.

Yushkova S. A., Doroshenko M. V. (2019) Strategies for Retirement Behavior in the Context of Reforming the Pension System. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 27. No. 1. P. 41—46. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6196>. (In Russ.)

Ando A., Modigliani F. (1963) The “Life-Cycle” Hypothesis of Saving: Aggregate Implications and Tests. *American Economic Review*. Vol. 53. No. 1. Part 1. P. 55—84.

Arthur Ch. (2012) *Financial Literacy Education: Neoliberalism, the Consumer and the Citizen*. Rotterdam; Boston: Sense Publishers.

Atkinson A., Messy F.-A. (2012) Measuring Financial Literacy. OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions. No. 15. Paris: Organization for Economic Co-operation and Development. <http://dx.doi.org/10.1787/5k9cfs90fr4-en>.

Duesenberry J. S. (1949) *Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Modigliani F., Brumberg R. (1954) Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross Section Data. In: Kurihara K. K. (ed.) *Post-Keynesian Economics*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. P. 388—436.

Modigliani F., Ando A. K. (1957) Tests of the Life-Cycle Hypothesis of Savings: Comments and Suggestions. *Bulletin of the Oxford University Institute of Economics and Statistics*. Vol. 19. No. 2. P. 99—124. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.1957.mp19002002.x>.

Friedman M. A. (1957) *A Theory of the Consumption Function*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Lyng S. (2008) Edgework, Risk, and Uncertainty. In: Zinn J. O. (ed.) *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction*. Chichester: John Wiley & Sons. P. 106—137.

Mandell L. (2007) Financial Literacy of High School Students. In: Xiao J. J. (ed.) *Handbook of Consumer Finance Research*. New York, NY: Springer. P. 163—183. http://dx.doi.org/10.1007/978-0-387-75734-6_10.

Remund D. L. (2010) Financial Literacy Explicated: The Case for a Clearer Definition in an Increasingly Complex Economy. *Journal of Consumer Affairs*. Vol. 44. No. 2. P. 276—295. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2010.01169.x>.

Rothstein B. (1998) *Just Institutions Matter. The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511598449>.

Sunstein C. R. (2014) Nudges.gov: Behaviorally Informed Regulation. In: Zamir E., Teichman D. (eds.) *Oxford Handbook of Behavioral Economics and the Law*. New York, NY: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199945474.013.0028>.